

Self made man

Сказать, что нашим актрисам везло с предложениями от Голливуда, было бы сильным преувеличением. Тех, кому американцы предлагали контракт, не отпускало руководство бывшего Госкино. Те, кто уехал в Америку по собственной инициативе, так и не смогли ничего достичь в Голливуде... Но времена меняются. И когда американцы предложили сниматься Наталье Негоде, она села в самолет и полетела в Лос-Анджелес. За полтора года Наталье удалось сыграть там две главные роли: в приключенческой картине «Снова в СССР» и в кинокомедии «Комрадз оф саммз». Сейчас она вновь в Москве, как бы в отпуске.

— Каждый второй, кто приезжает в Лос-Анджелес, считает себя актером, — говорит Наташа. — Посудомойки, официанты — все ждут своего шанса. Мне тоже помог случай и шумная мода на Советский Союз. Купили «Маленькую Веру», пригласили для рекламы в Нью-Йорк. Плюс — «Плейбой». Для западных кинозвезд появиться в «Плейбое» — паблсити. Потом была церемония «Оскара», что в Голливуде считается большой честью. Мои скудные познания в английском обманули американского продюсера, и меня пригласили на картину «Обратно в СССР». Так что, наверное, правы мои друзья, когда говорят: «Наташке везет». Действительно повезло. Хотя у этого везения есть обратная сторона. В Голливуде своя специфика и свои проблемы.

— Какие?
— Люди приезжают туда, чтобы заработать деньги и славу. Бизнесу там поначалу все. — И с чего начинается этот кинобизнес?

— Для актера — с контракта. Первый контракт, который мне предложили, был для «сков».

— Что это значит?
— В его условия стояла лишь сумма гонорара, а мои права на много лет вперед отдавали какому-то дяде. Дело в том, что в Голливуде актер, снимающийся в главной роли, по-

лучает возможность пользоваться различными благами, которые предоставляют ему студия или продюсер. Например, персональным лимузином или личным гримером. Если надо куда-то лететь, то оговаривается: билеты — первого класса, «люкс» в пятизвездочной гостинице. Также доля от продажи видеокассет и еще куча всяких деталей. Правила игры достаточно простые: чем больше требуешь, тем больше платят, правда, с одним условием — если в актере есть заинтересованность.

— Ну а если продюсер не выполнит какой-либо пункт контракта?

«Сказать... граничит с неприличием. Ты актер, должен сам лепить характер. Ты можешь и должен ждать, но никто не будет ждать тебя. Вот почему у американских актеров ценится скорость вхождения в образ, мобильность перевоплощения.

— Означает ли все это, что вам пришлось переучиваться?

— Мне кажется, вредное и бессмысленное занятие — переучиваться. Просто нужен опыт. И чем больше его, тем лучше. Пример тому — проба в американском кино (на первый американский фильм меня взяли без пробы).

— Пробы там — процедура особая. Мне кажется, даже унизи-

актер так и не смог достичь уровня «суперзвезды» в Голливуде.

— А наши?
— Нашим пробиться было сложнее. Действительно, в Голливуде артистами стали там два человека — Михаил Барышников и Александр Годунов. Но, опять же! Оба пришли в кино, будучи «звездами» в балете.

К сожалению или к счастью, кино давно не мое. И главная проблема для нас — языковой барьер. Я все еще разговариваю на простом бытовом английском языке с небогатым запасом слов и заметным русским акцентом. Если не понимаю — вида не подаю. И меня на съемках чаще вырывают интуиция и боязнь по-

Голливуд — или пропал?

Неделя. - 1992. - № 3. - с. 10

— Это почти исключено. Каждый час простоя — огромные деньги, взятые из кармана продюсера. Но если хоть один пункт нарушен, актер имеет право не выйти на площадку. Вот почему подписание контракта отнимает уйму времени. И мне пришлось для второго стандартного голливудского контракта брать агента и адвоката, которые отстаивали бы мои права.

— У вас свой агент?

— Да. Агент, адвокат и публицист, который занимается моей рекламой. — Это условия «кинобизнеса». Агентство — гарантия, что тебя не обведут вокруг пальца. К тому же агент находит для актера сценарий, направляет на пробы, договаривается о встрече с режиссером. Поэтому если раньше актеры больше зависели от студии и режиссера, то сегодня судьба актера — в руках агента. Баснословные гонорары американских «суперзвезд» в первую очередь — заслуга их «суперагентов».

— Как явствует из вашего рассказа, труд актера там почти что рай...

— Рай — это когда коктейль на премьере. А до этого — просто тяжелый труд. Ты можешь встать в четыре утра, а в кадэ войти только в двенадцать. И сделать двадцать дублей. Можно ждать подсказки от режиссера или партнера, но в Америке это, как бы вам

тельная для актерского самолюбия, хотя их обязательно проходят все, даже «звезды». Дают выучить отрывок роли. Через день прихожу на студию. Там уже толпа девушек. Цвет кожи у всех разный, а роль одна. Учат тот же отрывок, что и я. Усаживают меня перед кинокамерой. За камерой в этот момент ассистент режиссера абсолютно пресным голосом читает текст партнера. Что делать — ума не приложу. Зачитала просто роль с листа, с выражением. А когда потом посмотрела запись на пленке, пришла в ужас от собственной беспомощности... В тот раз, само собой, я провалилась. На следующие пробы готовилась самостоятельно «поставила» отрывок, примчалась пораньше, чтобы быть в первых рядах. Голодная и злая, хотя пробы предстояли в кинокомедии. Не помню как, но рассмешил режиссера все же мне удалось. И я попала в «Комрадз оф саммз».

— Все-таки, значит, научились работать по-американски?

— Не знаю... Своим там тяжело, а уж иностранцам тем более. Знаменитый Жерар Депардье, «звезда» европейского кино, в Америке снялся всего в двух фильмах. После этого написал разгромную статью о Голливуде и уехал домой во Францию, где у него огромный успех. Насколько мне известно, за последние несколько лет ни один европейский

терять работу, чем знание языка. Американцы не ходят на фильмы, которые идут с субтитрами. А озвучивание там — дорогостоящее дело.

Другая проблема — отсутствие у нас системы «кинозвезд» и паблсити. Никто не вкладывает деньги в рекламу актера, а его лицо должно быть узнаваемым. Фамилия «звезды» должна быть «на слуху». С нашими актерами не ассоциируется ничего, кроме «Горбачев», «гласность», «голод» и «дайте денег!»

И потом, там есть свои неписанные законы. Захочешь их переделать — они тебя переделают. Как-то на одном из приемов я сказала, что считаю свой последний советский фильм неудачным экспериментом. Рядом со мной был знаменитый американский актер (не буду называть его имя). Этот человек-легенда сказал мне тогда: «Наташа, если бы я позволил себе подобное высказывание, я бы уже не работал в Голливуде». Актеры там не говорят о своей картине плохо. Это антиреклама.

— А хвалить свой фильм можно?

— Нужно! Самореклама — двигатель успеха. Но мне, человеку не слишком уступчивому, привыкнуть к этому сложно. Когда мне что-то не нравится, обычно я говорю правду. Спорю с режиссером. Ругаюсь с продюсером, что в Америке не принято. Однажды дошло до того, что он

пообещал мне испортить карьеру.

— И в самом деле может испортить, даже если режиссер на вашей стороне?

— Конечно. Режиссера там, как и актеров, нанимают в последнюю очередь. Если он чем-то не устроит компанию или продюсера, его вышвырнут во второй день и наймут другого. Продюсер имеет право делать все. Может сделать монтаж готового фильма — никто ему слова не скажет. И нередко вырезает наиболее ценные, с точки зрения актера и режиссера, куски фильма из соображений прокатного успеха картины. А на успех влияют разные причины, порой не имеющие к кино никакого отношения. Например, любовь американцев к кукурузе. Сетка работы кинотеатра ра бивается так, чтобы между сеансами оставалось минимум полчаса, чтобы проветрить зал и успеть продать кукурузу и кока-колу. Во время сеанса американцы по несколько раз выходят за очередной порцией кукурузы, чтобы дальше можно было с удовольствием смотреть кино.

Вообще актеры, которые хотят сделать карьеру в Голливуде, должны быть большими дипломатами. Главное — не нарушать правила игры. Арнольд Шварценеггер — вот пример грамотного политика и бизнесмена. Вряд ли его назовешь настоящим актером. Но единственный раз, когда я видела в Америке очередь в кинотеатр (а все билеты были проданы), — на новом фильме Шварценеггера. Так сумел этот человек подчинить себе зрителя. И не только в Америке...

— Желание бросить все и вернуться в Москву не возникало?

— Возникало, и очень часто. Особенно после первой картины, когда три месяца была в простое. Скучала по родным и друзьям, по дождю, которого нет в Лос-Анджелесе, по ручьям, по запаху почек... По откровенным разговорам и даже по водке, которая там не пьется. Сколько же еще ждать роли? И нужно ли? Моде на «совок» и на советских актеров с их шармовым русским акцентом на моих глазах за два года упала...

— Все-таки, набивая шишки, мы приобретаем какой-то опыт. Ведь и в Америке наверняка не все так гладко, как хотелось бы.

— Да, я тоже приобретаю опыт, жесткий, но необходимый. Кстати, и американцы постепенно привыкают к тому, что советские актеры работают на тех же условиях, что и французы, поляки, итальянцы. Мой контракт ничем не отличается от контракта моего американского партнера.

— А гонорары?

— Вы знаете, в Америке вам никогда не зададут такой вопрос. Или не ответят. Но вам могу сказать: получаю столько, сколько хватает для нормальной жизни среднего американца. Снимаю квартиру в Лос-Анджелесе, купила автомобиль марки БМВ. Но думать, что сможешь заработать в Америке на всю жизнь, наивно, потому что приходится много тратить.

— А в Москве вы не собираетесь сниматься?

— Нет. Пока не приглашают. Приехала к маме, домой. Если честно, американские будни — разговоры о контракте, чтение сценариев, постоянные телефонные звонки, встречи с агентами, адвокатами и прочими нужными людьми — страшно надоело. И там мечтала, как приеду домой, отключу телефон, почтаю что-нибудь для души, встречу с друзьями, схожу в театр... Прилетела в Москву, а здесь те же проблемы, что и в Америке, — как делать деньги... И все делают деньги...

— Но хоть одна мечта сбывается?

— Да, сижу и читаю...

— И что?

— Не поверите. Случайно попались воспоминания Чарли Чаплина о том, как он приехал впервые в Голливуд. Ужасно интересной...

Беседовала Анастасия ПЛЕШАКОВА.

Фото Игоря ГНЕВАШЕВА.

снб, 1992

Негода М.

1992

«НЕДЕЛЯ» № 3 (1659), 1992 г. снб